

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ОСНОВЕ СЕНСАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

Оглянувшись назад, (не имеет значения как глубоко), виртуально мы увидим, что благополучие той или иной социально-экономической формации исторически строилось на умелом использовании природных, финансовых и трудовых ресурсов. Намереваясь заглянуть вперед, можно, скорее всего, увидеть, что эти факторы уже не так много значат. Скорее всего, они перестали быть движущей силой: ныне нельзя добиться процветания только за счет природных богатств или быть богатым, нарастив банковский капитал. Нельзя быть процветающей страной и за счет увеличения плотности народонаселения. И этому достаточно примеров.

Так в чем же суть обесценивания исторически подтверждаемых ценностей? Прежде всего, что собой представляли или представляют эти три кита, на которых развивалась человеческая земная цивилизация?

Природные (естественные) ресурсы — это компоненты природы, используемые человеком. По крайней мере, так определяет Большой энциклопедический словарь [1, с. 961]. Сегодня дело обстоит так, что огромные природные ресурсы, которые вовлекаются в современную человеческую деятельность, достигли таких размеров, что это не просто обострило проблемы их рационального использования, но и поставило человечество на грань выживания в глобальном масштабе. Об этом уже много сказано, написано, но не найдено путей спасения или принятия кардинальных решений.

Финансовые ресурсы — это созданные человеком ресурсы в виде капитала (денежных знаков), используемого для производства товаров и услуг и приносящего доход. На уровне промышленных предприятий капитал (финансовые ресурсы) — это вся сумма материальных ценностей (вещей) и денежных средств, используемых в производстве [1, с. 442]; в банковской сфере — это стоимость в денежном выражении, приносящая прибавочную стоимость. Образно говоря, финансовые ресурсы в банковской системе — это деньги «в никуда».

Остается третий «столп» — трудовые ресурсы. На этом виде ресурсов стоит остановиться поподробнее. Трудовые ресурсы — это «понятие отечественной экономической науки, близкое по значению к эко-

номически активному населению, включаемое трудоспособное население, обладающее необходимым физическим развитием, знаниями и практическим опытом для работы в народном хозяйстве» [1, с. 1228].

История знает много примеров борьбы за то, чтобы мы поверили, что все три вида ресурсов и все богатства общества принадлежат народу и что рабочие должны владеть средствами производства. Сегодня это признано всеми и во всем мире. Вероятнее всего, что это было всегда. Всегда рабочие владели ими, просто мы (люди) не понимали этого. Не понимали, что не только и не столько надо применять мускульную силу (физический труд), чтобы получить прибавочную стоимость. В современных условиях, в компаниях и на фирмах развитых стран от 70 до 85 % всего, что делается людьми, делается с использованием своих мозгов, т.е. при помощи интеллекта. Мировая научная элита уже не стесняется говорить, что основным средством производства стало «это скромное серое вещество весом приблизительно в 1,3 кг. Это человеческий мозг» [2, с. 2].

Всем известна историческая фраза Генри Форда: «Удивительно, но как только мне требуется пара рабочих рук, я получаю всего рабочего в придачу» [3, с. 70]. Конечно, Генри Форд был не прав, он получал не физическое тело, а биоэнергоинформационную систему с удивительным и непостижимым механизмом управления — человеческим мозгом. Время показало, что идеально устроенный и абсолютно индивидуальный человеческий мозг значительно превосходит традиционные средства производства — сырье, рабочую (физическую) силу и денежные накопления. Ибо благодаря этому серому веществу люди могут быть изобретателями, они могут выдвигать новые идеи, ставить новые цели и разрабатывать пути их достижения, менять правила производственных и межличностных отношений. Люди могут быть эмоциональными и рассудительными, а их действия взвешенными и эффективными. Сегодня решающий фактор — сам человек, его знания и умения, приобретенный опыт и естественные навыки. И успех бизнеса, эффективность предпринимательской деятельности, результаты человеческих отношений зависят от способностей, знаний и умения направлять в нужное русло безальтернативную работу

умов. Вот почему и природные ресурсы, и накопленный капитал, и физический труд (рабочие руки — рабочая сила в историческом определении) теряют свою значимость. Вот почему все чаще и чаще из уст государственных деятелей высокоразвитых стран мы слышим слова «о холодной войне знаний». Вот почему так называемые «семерка» и «восьмерка» высокоразвитых стран в последние годы так много внимания уделяют вопросам формирования единого образовательного и научного пространства, создания условий, способствующих притоку высокоинтеллектуальных молодых людей и предотвращающих «утечку мозгов». Курсы взяты не на превосходство в силе и технике, а на превосходство в уровне совокупного интеллектуального потенциала государства.

В настоящее время многие ученые, философы и социологи говорят и пишут о необходимости дальнейших коренных реформ и различного рода усовершенствований в сфере образования, воспитания и повышения общего социально-культурного уровня, о несоответствии последних требованиям естественного развития и надмерной технологизацией нашей жизни. При этом рисуемая многими исследователями картина глобализирующегося мира, с надуманной так называемой постиндустриализацией, содержит в себе необдуманно копируемый западный образец, сознательно уводящий общественное мнение от должного учета реальных фактов непредсказуемого динамично изменяющейся действительности.

Отрадно лишь то, что по мере того как начало коренных реформ украинского общества все более уходит в прошлое, они из сфер политических дискуссий и борьбы общественных течений перемещаются в область научного исследования. Это вселяет надежду получить результаты анализа как взаимосвязей и взаимного влияния естественных социально-экономических процессов внутри нашего общества, так и не прогнозируемых в социальном плане воздействий окружающей среды.

С самого начала трансформация многоукладной социально-экономической системы общественного обустройства нашего общества стратегически мыслится как многогранная мегакомплексная сверхзадача — дальнейшее повышение благосостояния населения, улучшение условий его материальной и духовной жизни, развитие социально-культурного потенциала. Один к одному задачи предыдущей общественной формации.

Решение этих задач обуславливалось, в первую очередь, двумя группами чисто социально-экономических проблем: с одной стороны, резкой динамизацией в сторону социализации роста производительных сил, а с другой — совершенствованием хозяй-

ственного механизма в сторону стабилизации экономики. Что касается первого, то акцент был сделан на проведение глубокой структурной перестройки промышленного комплекса в сторону конверсии военного производства. Однако для проведения сколь угодно осмысленной социальной политики в условиях глобализации мировой экономики необходимо было обеспечить как минимум 4 % роста национального дохода. А если учесть, что возможностей роста за счет вовлечения новых материальных, финансовых и людских ресурсов также практически не было, то и получили то, что получили — полный развал промышленного комплекса, падение агропромкомплекса и, естественно, не рост национального дохода, а его отрицательные характеристики.

И все же принципиальной особенностью 90-х годов XX столетия стала смена технико-технологического подхода в развитии общества социально-экономическим. Пожалуй, впервые в официальной риторике речь зашла об активизации человеческого фактора, повышении жизненного уровня населения и его духовности как условий трансформации всей системы общественных отношений. Экономистам, социологам и политологам, даже философам, ибо такая постановка затрагивала ментальный уровень народа, предстояло более тщательно разобраться с этими установками, наполнить их конкретным содержанием. И на практике именно данные проблемы, а вовсе не вопросы структурных преобразований народно-хозяйственного комплекса встали в центре экономических дискуссии и экономической борьбы.

Были даже концептуально обоснованы новые подходы:

во-первых, как необходимость придания динамики развитию производительных сил путем сосредоточения инвестиционных ресурсов в приоритетные секторы экономики;

во-вторых, как осуществление трансформации производственных отношений, изменение общественно-экономической структуры социальной системы;

в-третьих, как необходимость гуманизации системы общественных отношений, преодоления одностороннего технократического подхода к решению социально-экономических задач;

в-четвертых, как мотивация важности повышения благосостояния и удовлетворения растущих потребностей украинских людей;

в-пятых, как проведение курса традиционных представлений трансформации экономической сущности общественной формации;

в-шестых, как обострившаяся полемика о существовании нетрудовых доходов и роли государства в их элиминировании;

в-седьмых, как необходимость использования товарно-денежных отношений как важного стимулирующего рычага развития производительных сил.

Можно еще столько же привести концептуально обоснованных подходов, однако все они носили весьма осторожный характер и обязательно сопровождались оговорками об изменившейся природе как стоимостных механизмов, так и изменившимися производственными отношениями и недопустимости устоявшихся товарно-денежных отношений.

Было ли это сенсационной стратегией? Конечно, было! Ибо и для зарубежных государственных деятелей и политологов, и для отечественных экономистов и социологов такой поворот в системе общественных отношений явился полной неожиданностью. Другое дело, как в дальнейшем развивались события, и какие принципы были взяты в основу этой стратегии.

Как сегодня, так и 10—12 лет назад говорилось и о необходимости совершенствования системы распределения по труду, что проявилось в относительно ранней, но поверхностной децентрализации распределительных механизмов при одновременном резком усилении попыток государственного вмешательства в «оценку справедливости распределения», и о существовании нетрудовых доходов и роли государства в их элиминировании, и о том, что отклонения от существовавших принципов распределения и хозяйствования могут породить и порождают такие отрицательные явления, как трудовая и социальная пассивность, тунеядство, моральный нигилизм, скрытые формы перераспределения доходов и благ, при этом непременно присутствовали ссылки на необходимость использования товарно-денежных отношений как важного стимулирующего рычага развития производительных сил и производственных отношений.

И все же подобные разговоры велись и ведутся весьма осторожно и обязательно сопровождаются подтекстом естественности стоимостных механизмов и недопустимости при использовании товарно-денежных отношений принижения роли планового начала.

Но суть проблемы не в этом. И даже не в том, что и в период экономической реформы 1965 года, и во время так называемой «перестройки» 1985 года, и во время попытки выхода из кризисной ситуации 1995 года базой для дальнейшей проработки теоретических основ социально-экономической трансформации общественной формации была избрана «теория хозяйственного механизма», которая представляла собой и до настоящего времени представляет особый раздел «политэкономии», ставшей со временем одним из наиболее динамично развивающихся направлений «советской экономической науки», которым руководствуются и маститые ученые, и авторы диссертацион-

ных работ, и, естественно, государственные институции [3, с. 15].

Суть проблемы в том, что для экономистов, которые выросли на волне широких и откровенных дискуссий тех лет, последующие годы не стали временем научной отработки аргументов и механизмов осуществления будущих хозяйственных преобразований. В силу этого и сенсационность принимаемых решений и последующие попытки преобразований и реформирования экономической системы не были научно подготовленными и каждый раз «захлебывались» в своей беспомощности. А политизация общественной формации, в том числе и экономической науки, привела к тому, что вскоре была найдена идеологическая ниша и все вопросы трансформации экономической системы были отданы на откуп «идеологизированной ортодоксальной политэкономии». Естественно это привело к всеобщему мнению о необходимости «глубокого совершенствования хозяйственного механизма». И стали рассматривать последний как самостоятельный объект исследования, который можно анализировать и реформировать, все остальные проблемы основ социально-экономической трансформации общественной формации остались вне поля зрения ученых. Логика такого концептуального подхода дает известную свободу анализа и принятия стратегических решений, но в то же время налагает жесткие и потенциально весьма опасные ограничения, которые неизбежно должны сказываться и сказываются в будущем.

Таким образом, хотим мы этого или нет, произошел явный сдвиг в сторону усиления популистской составляющей при разработке и осуществлении экономической политики. И прежде всего в формировании и функционировании институтов власти и того же «механизма управления социально-экономической составляющей». В силу этого социально-общественная формация вошла в состояние, когда её высшее руководство, институты государственной власти не могут принимать оптимальные экономически эффективные решения. Стало модным принимать сенсационные решения, идущие явно в разрез с настроениями общественного мнения, что вскоре должно было и уже сказывается на характере и эффективности руководства экономикой. Общество вошло в состояние с нерегулируемостью разделения властей. При высокой политической активности населения, внимательно следящего за перепитиями в коридорах власти, и умении им находить выход из любых ситуационных положений, правительство и другие институты власти каждый раз оказываются заложником популярности собственных текущих, каждодневных решений, даже если они носят сенсационный характер, не говоря уже о сенсационности их деклараций и решений стратегического характера.

Более того, естественным образом трансформируется и характер философии популизма. К примеру, решения начала 90-х годов XX столетия о демократизации управления экономикой являлись популистски сенсационными по своей сути. И, естественно, разрушительными по своим последствиям. Но принимавшие их политики были уверены в экономической эффективности подобных мер, в их жизненной необходимости и оправданности. Кстати, «чего греха таить», к такому мнению сразу же примкнула и большая часть маститых ученых экономической науки.

Однако во второй половине 90-х годов ситуация резко меняется, настроения в обществе, обманутом в своих ожиданиях быстрого подъема благосостояния, обусловили, естественным образом, курс на экспансию социальных программ. При этом заметим, что это все в условиях бюджетного дефицита. Но это же впервые приблизило руководство государства и ведущих ученых к пониманию опасности таких сенсационных стратегий.

А ситуация трансформировалась следующим образом: осознав после первых лет создания новой социально-экономической среды опасность дестабилизации экономической системы государства, властные институты решили принять меры к ограничению дефицита бюджета, выбрав для этого стандартный путь сокращения доходов на социально-культурные мероприятия, аж до не выплат «заработной платы». Это не затрагивало интересы никаких влиятельных групп, структур, индивидуальностей.

Именно такое ситуационное развитие привело ученых-экономистов к очень существенному вопросу, ставшему одной из доминант дальнейшей политики, существенно затрагивающей и социальную сферу, — в явном виде была сформулирована задача о социальной цене проводимых реформ. Из экономической публицистики о необходимости реформирования хозяйственного механизма он был переведен в плоскость социально-общественную на официальном уровне. Более того, из уст ученых четко прозвучал тезис о неизбежности болезненного характера любой экономической реформы. Было акцентировано внимание на необходимость выработки ясной программы реформ и прежде всего скорейшего решения проблемы бюджетного дефицита, либерализации экономических постулат и формирования на этой основе конкурентной среды для отечественных товаропроизводителей.

Но, пожалуй, самой сенсационной стратегией, позволяющей в концентрированном виде охарактеризовать как политико-экономические процессы 90-х годов XX столетия, так и базис на основе которого трансформируются эти процессы в первое десятилетие XXI века, является осознание новых явлений — формирова-

ние общей конфликтной среды и описание причин нарастания конфликтов. Этот феномен, который захватил количественно и качественно все слои населения, проник во все сферы общественной жизни и увел умы и политиков и ученых далеко от столбовой дороги социально-экономического развития, будет познаваться не годы, а десятилетия. Ибо нормальный естественный разум его осознать не в состоянии.

Все более ясным становится, что различные социальные группировки (далеко не сводимые к традиционному для официальной социологии делению на рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовую интеллигенцию) имеют далеко не одинаковые представления о перспективах политического и экономического обустройства вновь сформированного социума. Проблема, разумеется, не сводится лишь к стремлению отдельных регионов стать самостоятельными, полноправными государственными образованиями (Крымская автономия, Галиция, Донбасс) или, тем более, к личным политическим амбициям (Тимошенко, Януковича, Еханурова, Мороза и т.д.), хотя это присуще в полной мере и сегодня. Гораздо более существенным моментом было и есть принципиально разное понимание ими перспектив экономических и политических реформ, будущего общественного обустройства, которое должно прийти на смену старому. Все эти процессы стали внешней формой проявления глубинного конфликта в области перераспределения власти в условиях естественной трансформации общественной формации. С ликвидацией вертикали власти возникла ситуация институциональной неопределенности.

В результате борьбы за власть очень быстро менялись «весовые соотношения» (важность решений), политические факторы и аргументы заняли доминирующее положение, тогда как соображения экономической целесообразности отошли на «задний план». Экономические процессы стали заложниками политических решений, а экономическая политика формируется в результате политического противостояния. Сенсационные стратегии приобрели виртуальный характер.

Так в чем же суть и содержание сенсационных стратегий?

Давайте начнем с того, что попытаемся определить первичное и вторичное в выражении «сенсационные стратегии». Что значит «первичное»? Наиболее приближенно — это «движитель, то, что заставляет жить, двигается, к чему-то стремиться». Значит, в нашем случае — это «стратегии». Что значит само слово «стратегии»? Точного определения пока еще никто не дал, хотя подходов к этому много. Давайте дадим свое определение: «Стратегии — это будущее». Вполне прилично. Но будущее возможно предсказать лишь виртуально! И только.

В природе все устроено так, что либо вы наблюдаете, как что-то происходит, либо определяете то, что происходит. Да! У вас может при этом возникнуть соблазн рассортировать воспринимаемое (познаваемое) на некоторые, на ваш взгляд, весьма самостоятельные части, поделить все на «черное» и «белое». Удержитесь от этого соблазна. В природе все взаимосвязано и взаимообусловлено. Эволюция не может быть права или не права. Она просто то, что она есть. Энергию природы можно использовать для воспроизводства чего-то, но только не ее самой. Это человеку не по силам. Энергия природы просто есть. Мобильную связь можно использовать для переговоров и для деловой или любовной переписки. Мобильная связь просто есть. А будущего не существует. Это лишь наше виртуальное представление на основе осознания нами познанного. Будущее — детерминированное в пространстве и времени наше прошлое. Оно не может быть хорошим или плохим. Оно может быть таким, каким мы его создадим.

Будущее скорее состоит из множества вопросов, на которые все меньше и меньше стандартных ответов. Единая теория Эйнштейна не дает на них ответов. Миром правит многообразие процессов. И скорее, вопросы, их многообразие, а не ответы определяют будущее. Отсюда вывод: на пути в будущее не стоит надеяться на многообразие разработанных технологий — они прошлое. Все, что они могут нам дать, — это ответы на наши вопросы. Если вы способны задавать своевременные и нужные вопросы, вопросы уникальные. И задавать такие вопросы быстрее других. Ваше будущее гарантировано. Но знайте, что через мгновение вам придется подумать о новом вопросе во имя стабильности вашего будущего. А затем о следующем, ибо естественный жизненный цикл состоит из познания возможного, осознания познанного и научного обоснования осознанного.

Будущее невозможно предсказать — его можно проектировать на основе осознания познанного, его нужно создавать. Будущее рождается через инновации. Не оптимизацией, не совершенствованием известного и не за счет изучения общественного. Будущее создается тотальной инновационностью.

Что это такое? Это образ мыслей всех и каждого, всего и везде. И этому нет конца. Это плотность совокупного интеллектуального потенциала.

Инновации — это не просто вопрос применения (смены) высоких технологий, машин и процессов. Это совокупность процессов и аспектов деятельности предприятия, организации, региона, страны в целом. Это изменения интеллектуального потенциала кадрового состава и сферы услуг.

Более того, тотальная инновационность — это и

изменение внимания и (или) невнимания к окружающей среде, к поставщикам и потребителям вашей продукции или услуг. Ухода из мира, где внимание сосредотачивалось на «или-или» или «авось», и перехода в мир, где внимание фокусируется на достижении «и того, и этого» одновременно. Речь не идет о создании условий разумного баланса. Речь идет о приоритетах «крайности», пренебрегая «усредненными» решениями.

Новые роли неизбежно требуют новых знаний. Экспансия деятельности приводит не только и не столько к необходимости концентрировать все усилия на собственной компетентности, сколько сокращает время, которое есть у вас для реализации собственного потенциала или предоставленных преимуществ. В социальной среде, которая функционирует в режиме реального времени, способность работать на опережение не имеет цены. Если у вас есть четкое понимание, что именно составляет вашу компетентность, надо действовать со скоростью света.

Работать быстро — это, конечно же, не только физический показатель. Это вопрос лучшей организации работы. В обществе, основанном на знании, мозги всегда одержат победу над мускулами. Ибо по мнению ученых разных стран, в процессе общественных отношений совокупный интеллектуальный потенциал используется от 5 до 15 %. А теперь представьте себе, что производственный потенциал был бы загружен на те же 5—15 % [2, с. 23].

Быстрее — это значит выше уровень знаний, это значит эластичней наш мозг, это значит вы наделены человеческим разумом. Сегодня конкурируют только на основе знаний. Но, к сожалению, знания недолговечны. Если вы их вовремя не используете, они станут бесполезными. Значит, вы либо быстры, либо забыты. В новых межличностных и общественных отношениях в социально-экономическом аспекте ограничений по скорости нет. Скорость — это все, это залог успеха. Необходимость скорейшего обновления — это то, что применимо к каждому, касается всех и каждого в любой сфере деятельности.

Умение организовать работу на основе новейших знаний — это искусство достижения выдающихся результатов с использованием совокупного интеллектуального потенциала на основе потока творческих идей.

Каковы же критерии состоятельности нашей стратегии?

Прежде всего давайте посмотрим: «где мы находимся?» 2005 год и первая половина 2006 года показали, что Украина находится в ситуации активной «запоздающей модернизации» сверху, политическим путем. Более того, все явственней проявляется порочный круг «рецидивирующей модернизации»: попытки

сверху перераспределения сфер влияния, пересмотр актов приватизации государственных объектов, преследование не «по закону», а силой власти альтернативных действий и т.д. Это все вынуждает постоянно находить некоторый, почти недостижимый, оптимум необходимых темпов экономических и политических реформ и приемлемой социальной их цены. Они могут как иметь так и не иметь очевидного человеческого смысла, социальных оттенков и исторического будущего. Поэтому их очень трудно понять, они не воспринимаемы. Определить содержание, направленность этого потока в целом практически невозможно.

Они, как правило, отличаются не только и не столько своими внутренними свойствами, но и местом в нерасчлененном историческом потоке. В естественных стабильных процессах инерционные периоды развития геометрически совпадают с линией свершившегося исторического процесса, где уже не видны отдельные отсеченные «несостоявшиеся» ветви. Эти же, искусственно приведенные к оптимуму реформы идут как бы «под углом» к основной линии, поскольку они наполнены избыточными и хаотическими действиями, разнонаправленными по отношению к складывающейся тенденции.

Отсюда наше будущее — как существующие в общественном сознании социальные цели, не просто противоречиво, но и разорвано, разрознено, поскольку в обществе слабеет интеграция и оно не набирает необходимой практической массы общепринятых ценностей [4, с. 47].

Существование (именно существование) большого достаточно квалифицированного и недостаточно организованного для защиты своих интересов рабочего класса и крестьянства является примером непредсказуемости нашего будущего, где: или экономическое развитие Украины будет успешным, а для этого есть у нас и достаточные природные ресурсы и трудовые ресурсы и мощные интеллектуальный, научный и технологический потенциалы, высокий уровень индустриального развития; или дальнейшее промедление в силу всеобщей борьбы за власть и последующее за ним дальнейшее обнищание вызовут так же непредсказуемое поведение работающих и безработных, результатом которого может быть только социальный взрыв или диктатура власти.

Эта непредсказуемость «подкрепляется» масштабами национально-культурной неоднородности социальной формации, что еще больше усложняет и без того слабую управляемость социумом; увеличением экономических ограничений на развитие промышленности, сельского хозяйства и предпринимательства; отсутствием сбалансированного налогового кодекса; «выжатостью» ресурсов сельского хозяйства (трудо-

вого и производственного потенциалов деревни); снижением до минимума и дискредитацией человеческого фактора. Особенности культуры, система норм и ценностей нашего общества, его уровень духовности трудно оценить однозначно.

И все же, несмотря на столь слабую привлекательность состояния, в котором мы находимся, есть ли у нас какой-то шанс на его улучшение? Да, есть! Исходя из результатов исследований, в целях выхода из процесса «запаздывающей модернизации» следует осуществить в кратчайший временной отрезок ряд мер социально-экономического, политического и организационного характера.

Основные из них следующие:

во-первых, мобилизация социального потенциала общества, то есть совокупного интеллектуального потенциала социума, энергии населения. Это может быть успешным только в случае, если формируются и развиваются мотивы социально-экономической деятельности. Во всем мире считается, что наиболее эффективной в данной ситуации является предпринимательская мотивация. Социальная форма этой мотивации — частный интерес. Он основан на не жестко связанном с трудовыми отношениями и условиями труда способе получения дохода и на наиболее сильном «накапливаемом преимуществе» — частной собственности на средства производства.

Трудности, возникающие при таком способе мобилизации социального потенциала, связаны в первую очередь с тем, что развитая, то есть эффективная и социально приемлемая, предпринимательская мотивация формируется отнюдь не сразу. Более того, ее первоначальные формы бывают малоэффективными из-за сильной зависимости от иностранного капитала и (или) от местной государственной бюрократии, ориентации только на сверхприбыль; из-за склонности обращать накопления денежные в недвижимость, имущество, а не в капитал, или переводить и хранить последний в зарубежных банках, что инвестирует развитие других государств, а не своего собственного. Отмечается преобладание на первых этапах своекорыстных интересов, коварства, насилия, размывания норм общественного поведения, коррупции, фаворитизма.

И все же усилия мобилизации социального потенциала общества должны быть направлены не на борьбу с этими трудностями, не на искоренение их в сознании социума, а на формирование в этом сознании как классических признаков социального предпринимательства — рациональность отношения к миру ценностей и норм, правил поведения, высокий уровень притязаний, готовность к риску и полная ответственность за свою судьбу, то есть отказ от социальной защищенности; так и наиболее ярко выраженные

современные признаки — высокая политическая и социальная культура, экономическая образованность и профессиональная компетентность; правовое сознание и высокий уровень знаний;

во-вторых, создание гибкой и динамичной социальной структуры: формирование и расширение средних слоев населения, среднего класса социума как постоянного естественного источника экономической активности, увеличение их роли в обществе, как в сфере экономической так и политической.

Акцент здесь необходимо ставить на создание устойчивого социального консенсуса между различными социальными группами, между работодателями и работниками, между государством и предпринимателями, между государством и профсоюзами, между предпринимателями (работодателями) и профсоюзами, между частным и государственным (региональными) секторами экономической деятельности. Особое значение может приобретать при этом использование культурных и национальных традиций: добросовестности, трудолюбия, ответственности, образа мышления и дисциплины, чего нам не занимать ни у народа Японии, ни у Германии, ни у кого-либо другого.

Однако для решения задачи социального консенсуса решающую роль играет развитие политической культуры, своего рода культуры гражданственности, проявление которой важно при активном участии масс в формировании политических и экономических решений стратегического плана. При этом предполагается, что политическая культура не тождественна политической системе. Ибо политическая культура — это система восприятия и познания индивидом социально-политического мира, своеобразная информационная база для локальных и стратегических оценок этого мира и определения своего места и роли в социально-политических процессах, формирования способностей ориентации и оценки политических движений.

Именно развитие культуры гражданственности на данном этапе является одной из основных мотиваций мобилизации социального потенциала;

в-третьих, формирование правового сознания социума и законодательной базы. Как показывает зарубежный и современный отечественный опыт, наиболее сложно и трудно формируется именно правовое сознание. Политическая активность возникает достаточно быстро. Потребность в экономической компетентности формируется значительно медленнее, поскольку, с одной стороны, без нее некоторое время еще можно обойтись, с другой стороны, наш народ не привык считать — за него все это выполняло государство. Поэтому рациональное отношение к своей индивидуальной деятельности чаще всего нарушается неконтролируемым стремлением к самоутвержде-

нию, к превышению самооценки, настороженно-агрессивным отношением к наемному труду, к его организованной социальной активности.

Правовое сознание граждан высокоразвитых государств базируется на его законодательной базе, федеральных и ведомственных актах.

Правовое сознание отечественных предпринимателей часто строится по типу «двойной морали»: в каких-то социальных отношениях закон и «правила игры» соблюдаются, в остальных (как-то, в погоне за прибылью, обогащением) — нет или не обязательно. Такая правовая необязательность, конечно же, связана с теневым происхождением их инициативной экономической деятельности. Естественно, что такая связь является социально опасной из-за активного использования методов лоббирования, коррупции, экономического насилия и других видов противоправного и социально неодобряемого поведения, вовлекающего в свою сферу все большие массы людей. Кроме того, «теневые» нравы, приучая к сверхприбыли, не дают предпринимательской мотивации стать по-настоящему экономически эффективной.

В любом высокоразвитом государстве создана законодательная база, которая не только защищает предпринимательскую деятельность, но и способствует использованию результатов НИОКР в интересах всей экономики, для чего формируются механизмы их реализации в административно-организационном, информационном и техническом аспектах;

в-четвертых, формирование и активизация коллективистской мотивации мобилизации социального потенциала общества (социума). Как правило, в основе этой задачи лежат ценности коллективного интереса и ответственности, общественного долга и социального равенства в процессах инициативной творческой индивидуальной экономической деятельности.

Коллективный интерес может быть построен на той системе материального и морального вознаграждения, которая жестко привязана к трудовым усилиям коллектива на основе ценности инициативной индивидуальной экономической деятельности каждого и общественной коллективной собственности, состоящей из совокупности индивидуальной собственности. Большинство западных социологов и отечественных экономистов считают, коллективный интерес, в отличие от частного интереса, менее естественная, но более сильная форма экономической заинтересованности. И все же многие концентрируют внимание на поиске тех форм общественной собственности, которые могли бы создавать подлинную коллективность, но с ярко выраженной индивидуальностью, гарантированной правовой защищенностью. Речь идет о таком типе социальных отношений, который формирует

коллективный интерес с ярко выраженной индивидуализацией как эффективный мотив общественной экономической деятельности.

Психологические предпосылки для этого у нас имеют глубокие социальные корни и они из поколения к поколению, из прошлой социальной формации к новой формации только крепнут. За годы нашей сложной истории развития сформировался устойчивый монолитный тип мотивации, который не укладывается ни в классическую североамериканскую схему, где мотивация «достижения», основанная на индивидуализме, противопоставляется мотивации «принадлежности», ни в японский тип, где все же преобладают индивидуальные акценты, так как для наиболее эффективных наших работников характерны скорее непосредственно коллективистские, чем индивидуалистические ориентации;

в-пятых, создание эффективного механизма управления естественным усилением социальной дифференциации общества. Это происходит прежде всего за счет усиления стихийных процессов при распределении и перераспределении социальных благ. И это же связано с неизбежным в условиях радикальных изменений в экономике отставанием социальной инфраструктуры, с необходимостью замораживания зарплаты, ростом инфляции и безработицы, что приводит к объективной необходимости в серьезном сокращении социальных программ.

Создается ситуация усиления стихийной неконтролируемой дифференциации, поскольку такой контроль может помешать накоплению капитала, увеличению вложений в экономическое развитие, повышению экономической активности в целом.

Сам по себе рост неравенства рассматривается как отрицательный, дестабилизирующий общество фактор. Поэтому нужны эффективные рычаги воздействия не только на увеличение социальной дифференциации, но и на возможности ее снижения, которое происходит в силу многих процессов: структурных изменений в экономике, научно-технического развития, открывающего новые экономические возможности, роста уровня образования населения, что облегчает вертикальную мобильность общества, активной перераспределительной политики.

Однако этот процесс не происходит автоматически, просто вслед за экономическим ростом. Большое значение имеет социальная политика государства, политический фактор в целом. И очень важным становится процесс возникновения и усиления социал-демократических и социалистических партий и движений как защитников интересов наемного труда, прежде всего формирующегося высокооплачиваемого рабочего класса;

в-шестых, создание механизма целенаправленного государственного регулирования процесса внешнеэкономического взаимодействия и его последствий. Усиление социального напряжения усугубляется тем, что общество пересматривается «выборочно», только там, где это выгодно инвестирующей стране или фирме, или международной финансовой организации. Поэтому межотраслевое, межрегиональное, «межсловное» неравенство увеличивается. Причем государство-должник, как правило, не имеет возможности успешно блокировать возникающую из-за этого социальную нестабильность, компенсируя неравенство. А международные организации-кредиторы или инвесторы выдвигают в качестве прямых требований отказ от государственного регулирования доходов и цен.

Кроме того, иностранный капитал может активно вступать с местными государственными элитами против местных предпринимателей, точно так же как и с последними против первых. И в том и в другом случае затрудняется достижение необходимого для стабилизации и мобилизации социального потенциала консенсуса в обществе, интеграции его сил;

в-седьмых, создание эффективной системы оперативного управления процессами мобилизации социального потенциала, формирования гибкой социальной структуры и взаимодействия, как с внешней средой, так и с внутренней социальной средой.

Если управление не справляется с нестабильностью, не находит компромиссов для постоянно меняющихся и сталкивающихся интересов различных групп, не контролирует ситуацию, она выходит из-под контроля, возникает социальный кризис, основные проявления которого — недоверие к социальным институтам, государству. При тотальном кризисе из-под контроля управления выходит вся социально-экономическая система и ее структура.

Социальный кризис — это следствие, хотя вместе с тем и причина неуправляемости социальной системы, неэффективности функционирования социальных институтов. В этих условиях насилие становится все более распространенным средством решения социальных проблем, разрешения социальных конфликтов, отстаивания групповых и индивидуальных интересов.

Исходя из логики и базовой мотивации сегодняшней украинской власти, т.е. властной команды, несмотря на ее разношерстность и принадлежность различным партиям и течениям, с их миллиардным долларовым состоянием, уже сегодня приходится решать три жизне- и смыслообразующих вопроса:

- как легализовать свои гигантские состояния, находящиеся в других государствах и инвестирующие чужое развитие;

- как создать надежную систему, позволяющую инвестировать собственные средства в собственные или государственное дело;

- как избежать избыточного недружественного внимания правоохранительных органов своего государства, США и Евросоюза к гигантским состояниям, созданным в 1995—2005 гг., когда официальная зарплата никогда не превышала \$50 тыс. в год?

А если учесть, что украинская государственность вошла в новый этап своего развития: юность позади, начинается непростой период зрелости, то от них потребуется качественно более высокого уровня ответственности, стратегической дальновидности и способности сформулировать долгосрочную доктрину развития. Придется взять на себя полную ответственность за реализацию в ближайшие 5—10 лет некоторых системообразующих политических, экономических и

социальных программ: от легитимации объектов приватизации до промышленной модернизации с целью качественного снижения энергоемкости производств и технологического их обновления, что потребует поставить общенациональные интересы над частными.

Литература

1. **Большой** энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: «Большая энциклопедия»; СПб.: «Норринт», 1999. — 1456 с.: ил.
2. **Кьелл Нордстрем, Йонас Риддерстрале.** Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. — Швеция: Translation Copyright, 2002. — Изд. 3, испр. и доп.
3. **Холод Б.И., Ткаченко В.А., Сазонец И.Л.** Практика совершенствования оперативного управления. — Донецк: ИЭП НАН Украины, 1997. — 352 с.
4. **Лесков Я.В.** Знание и власть. — М.: СИНГЕТ, 2001. — 100 с.